

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ДИАЛЕКТАХ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА¹

Соколянская Наталья Николаевна

к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный
государственный университет»
nata_sokol@mail.ru

EVALUATIVE VOCABULARY IN THE DIALECTS OF THE FAR NORTH-EAST²

N. Sokolyanskaya

Summary: This article discusses the main thematic groups of evaluative vocabulary in the dialects of the Far North-East.

Target. Study of emotional-evaluative connotation in the lexical meaning of dialect vocabulary in the speech of old-timers of the Far North-East.

Methods: analysis, synthesis, deduction, induction, classification and comparison.

Results. Evaluative vocabulary is a reflection of the specific features of the national and cultural perception of the world. Thematic groups of evaluative vocabulary are associated with realities that are relevant for dialect speakers (crafts, weather, assessment of a person's inner qualities, his attitude to work, sociability, etc.)

Conclusions. A large number of lexical units with a connotative element of expressiveness and evaluativeness, reflecting a person's subjective perception of the world around them, testify to the anthropocentricity of the speech dialect system of the Far North-East.

Keywords: dialectal vocabulary, evaluativeness, connotation, stylistic coloring, emotional content.

Аннотация: В данной статье рассмотрены основные тематические группы оценочной лексики в говорах Крайнего Северо-Востока.

Цель. Изучение эмоционально-оценочной коннотации в лексическом значении диалектной лексики в речи старожилов Крайнего Северо-Востока.

Методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, классификация и сравнение.

Результаты. Оценочная лексика является отражением специфических особенностей национально-культурного восприятия мира. Тематические группы оценочной лексики связаны с актуальными для носителей диалекта реалиями (промыслы, погода, оценка внутренних качеств человека, его отношение к работе, коммуникабельность и др.)

Выводы. Большое количество лексических единиц с коннотативным элементом экспрессивности и оценочности, отражая субъективное восприятие человеком окружающего мира, свидетельствуют об антропоцентричности речевой диалектной системы Крайнего Северо-Востока.

Ключевые слова: диалектная лексика, оценочность, коннотация, стилистическая окраска, эмоциональное содержание.

Отношение человека к миру и к окружающим его людям выражается в особом психологическом состоянии субъективного переживания, имеющего вид эмоций. К числу базовых эмоций, по мнению К.И. Изарда, относятся радость, горе, интерес, удивление, гнев, отвращение, презрение, стыд, вина, страх. Обычно они обнаруживаются в сочетании друг с другом, а если проявляются «отдельно», то «лишь в течение очень коротких периодов времени, в частности, до того, как активизируется другая эмоция» [7, с. 84].

Языковые средства выражения эмоциональности в речи проявляются на всех уровнях языка - фонетическом, лексико-семантическом, словообразовательном и др. При этом возможно использовать слова, которые не только выражают эмоции (*зайчонок, лентяй*), но и описывают их (говорить *гневно*, смотреть *изумленно*). Обычно выражение чувств осложняется еще и особой экспрессией, добавочной коннотацией, сопровождаю-

щей лексическое значение слова. Такие оттенки позволяют выразить более тонкие переживания говорящего в момент речи при употреблении эмоционально окрашенных слов: *хваленый* (ироническое), *новоиспеченный* (шутливое), *смазливый* (фамильярное) и др.

Кроме того, экспрессивные оттенки в слове могут обнаруживать дополнительную, как положительную, так и отрицательную оценочность: *незабвенный* (торжественное), *манерный* (неодобрительное), *малевать* (пренебрежительное), *холуйство* (презрительное), *хлюпик* (уничижительное) и т.д. Экспрессивность лексической единицы позволяет «репрезентовать субъективные аспекты восприятия человеком действительности» и выражать качественно-количественные свойства реалий, а также «непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения, оценки» [9, с. 213].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-012-00266 «Региональные варианты русского языка на Крайнем Северо-Востоке России»

² This work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project 20-012-00266 "Regional variants of the Russian language in the Far North-East of Russia"

Предметом нашего исследования является речь русских старожилов Крайнего Северо-Востока, потомков людей, которые более трех веков назад осваивали новые земли и осели на них, смешавшись с коренным населением. Северные условия и существование в окружении эвенов, чукчей, юкагиров, ительменов и т.д. привели к заимствованию русскими моделей хозяйствования (охота, рыболовство), а также типов материальной и духовной культуры их соседей.

Этнографы признают, что старожильческое население было сосредоточено в таких населенных пунктах, как Русское Устье (на Индигирке), Походск, Нижнеколымск, Среднеколымск, Верхнеколымск (на Колыме), Черский, Анадырский острог, Марково, Усть-Белая (на Анадыре), Гижига (на Гижиге) и т.д. Большинство этих поселков подробно описаны в научной литературе, основанной также на отчетах приезжавших туда с проверкой чиновников, записках путешественников и миссионеров РПЦ, исследованиях врачей (Олсуфьев, Гондатти, Сокольников, Аргентов, Богораз и т.д.).

Термин «русские старожилы», по мнению Н.Б. Вахтина, можно использовать условно, поскольку «эти группы не являются в полной мере русскими, и уж точно они не более старожилы, чем коренные народы» [6, с. 16]. В.Г. Богораз отмечал «своеобразную племенную смесь», возникшую от смешения русских с «туземными аборигенами». При этом в лингвистическом отношении был сохранен русский язык «со многими старинными словами и выражениями, русские песни, сказки, суеверия» [3, с. 103].

Более детальные языковые факты мы получаем из областных и региональных словарей, «богатейшие данные которых позволяют исследовать народную речевую культуру как важную составную часть и средство выражения духовной культуры» [1, с. 233]. Для исследования нами был выбран «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока», включающий около 6 тысяч лексем и устойчивых словосочетаний, которые являются фактом речи русского старожильческого населения Охотского побережья (Охотск, Ямск, Ола, Тауйск), реки Колымы (Походск, Нижнеколымск, Среднеколымск и др.), Гижиги, Марково и др. Кроме того, были использованы материалы «Областного словаря Колымского русского наречия» В.Г. Богораз, «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), «Словаря русского языка XI-XVII вв.».

Предметом изучения стала лексика с оценочной коннотацией, позволяющей субъективно выразить отношение говорящего к предмету речи или адресату речи. Этот элемент лексического значения слова показывает ценность объекта высказывания на основе испытываемых чувств. В диалектной среде критерием оценивания являются народные представления о норме, чем определяется шкала оценочности от «положительного» до

«отрицательного/негативного». Более широкая палитра эмоций включает в себя и такое отношение к предмету речи, как одобрение/ неодобрение, ценное/ неценное, полезное/ вредное, нравится/ не нравится и т.д.

На словообразовательном уровне оценочное значение формируется с помощью субъективно-оценочных суффиксов, традиционно именуемых как «уменьшительно-ласкательные» (-ечек-, -ишк-, -ок- и др.). Однако часто эти суффиксы выражают общую экспрессию речи. Смысловое содержание этих суффиксов разнообразно, среди них наблюдаются и эмоционально-оценочные, и эмоционально-размерные, и уменьшительно-увеличительные, способные подчеркнуть объективные свойства предмета, влияющие на его восприятие и оценку. Так, например, повсеместно на Крайнем Северо-Востоке употребляется слово *туесок* («ласк.») - то же, что *туес* - посуда из бересты; *положечек* («уменьшит.-ласк.») к *полог* - спальное помещение в яранге; *ганзишка* («уменьш.-пренебреж.») к *ганза* - курительная трубка, чаще всего деревянная, иногда из мамонтовой или моржовой кости [8, с. 539].

Тематические группы оценочной лексики прямо соотносятся с актуальностью для говорящих предметов, свойств, действий, понятий, которые они называют. В частности, это сфера промыслов, погодные условия, способность к работе, социальное значимое поведение и эффективная коммуникация, оценка человека по интеллектуальным и физическим данным, отношение к окружающей обстановке, характеристика предметов материального мира.

Промыслы

Проживание русских старожилов и коренного населения в общих селениях сказалось на формировании общего типа хозяйствования, которое включало рыболовство, разведение ездовых собак, охоту на дикого оленя. Особенности промысловой деятельности русского населения на Крайнем Северо-Востоке предполагали наличие в каждой семье собачьей упряжки. Ездовое собаководство обеспечивало транспортом рыболовство, пушной промысел, хозяйственные нужды.

Хотя исконно оленеводством на севере занимались преимущественно коренные народы, но русские также использовали этих животных в хозяйстве: приручали их, впрягали в нарты, находили применение меху оленя, готовили из мяса различные блюда и запасали на зиму. В первой половине XX века с началом коллективизации и организации колхозов, русское старожильческое население также было вовлечено в сферу оленеводства, поэтому в их речи отмечены такие характеристики оленей [8, с. 539]:

- держальный олень* («прирученный дикий олень»);
- худомозглый олень* («тощий олень»);
- худомозгло мясо* («нежирное мясо»);

худой мозг (дурной вкус мозга в трубчатых оленьих костях);
сухой олень («худой, чахлый, больной олень»);
ондата («самый сильный, крупный олень в стаде, но в то же время самый послушный»);
матёрый («большой, крупный, сильный»): «Матёрой олень убили, а жонка (важенка) сама к поселку пришла»;
добромозглый («тучный, сытый (об оленях); в трубчатых костях этих оленей мозг имеет хороший вкус»);
пряговой олень («олень для езды»): «Праговы олени в цене...»;
ходовой олень («впрягаемый в нарту олень»);
полохливый («пугливый»): «Домашние олени полохливы, кидацца туды-суды, бояцца»;
хромая зараза («болезнь копыт у оленей; копытка»);
кудряшок («годовалый олень») [8, с. 539].

Важную роль в хозяйственной жизни русских старожилов играло *рыболовство*, потому что рыба была основной пищей людей и собак в северных условиях: все лето ее вялили, а к началу осени складывали в специальные амбары.

Среди оценочных слов мы находим наименования и признаки рыбы (свежей и вяленой) разного качества [8, с. 539].:

ходовая рыба («рыба, идущая в реки из моря для метания икры (кета, чир, нерка); промышленная рыба разделяется на два сорта: на ходовую рыбу и постоянную»);
уловная рыба («лучшая рыба, добываемая на уловах (осетр, нельма, чир)»);
дагамса = дахамса («высший сорт юколы»): «На дахамсу использовался лучший лосось – нерка, кижуч. Дахамсу снимали с тушки рыбы одним пластом, а позвоночник с хвостом оставался в качестве отхода. Эти позвоночники с остатками мяса связывались хвостами попарно и вялились на корм собакам»;
снулая рыба («сонная, неживая рыба в зимних водоёмах»);
хачира («сушеная рыба низкого качества, приготовляемая на корм ездовым собакам (обычно сельдьятка, чокур)»: «С вашей сладкой юколы уйду на свою гнилую хачиру»);
пустой («некачественный») «Пустая нельма... Дазе человека называли в досельно врэма – пустые гвозди» [8, с. 539].

Положительная оценочная коннотация отмечена и в группе слов охотничьей тематики, где требуется дифференциация меха различных животных, выражение отношения к изобилию или отсутствию зверей, указание на степень плодовитости птиц других обитателей леса:

норничный мех («мех песцового щенка, выкопанного из норы (мех малоценный)»); *пышное* («дорогие меха»); *пышно* («пушнина»); *пышный мех* («мех, обладающий длинным пушистым ворсом»: «Пышной мех из песцех, из

лисицы из дошлых»; *пакостьеватый* («богатый, обильный чем-либо (о мелких зверях: песцах, лисицах, зайцах)»): «Место пакостьевато песцами»; *плодущий* («плодовитый»): «Сто собацка, сто песец – онно плодусса твар» [8, с. 539].

Влияние погодных условий различных атмосферных процессов на результаты промысловой и хозяйственной деятельности нашло отражение в группе «лексика природы». Наиболее актуальными являются характеристики погоды, времени года, ветра, снега, воды. Здесь мы встречаем метафорическое образное выражение *погода опомнилась* («погода успокоилась, стала лучше»), которое отражает понимание тесной связи человека и природы, олицетворение стихии ее силы. На Крайнем Северо-Востоке, где лето очень короткое и каждый день важен для промысла и заготовок на зиму, погодная стихия действительно воспринимается как бедствие: «Ноньса погода опомнилась, дамно июле не було такого. Подобное переносное значение, с акцентом на интенсивность действия, отмечается в глаголе *распалиться* («разбушеваться, разъяриться (о реке, когда от прибылой воды в ней усилится течение или она выступает из берегов)») [8, с. 362].

Для описания летних температурных аномалий используются лексемы *меженный* («жаркий, серединный (о лете)») и *межень* («середина лета, от Иванова до Ильина дня») [8, с. 362].

Дождливый день и его последствия оцениваются как негативная ситуация:

мокредь «сырость, слякоть»: «Насу мокредь ночью пойдес, обутки оставис (в) грязе»;
растороп («весеннее бездорожье; распутица»): «Утром поедешь, хорошо, полден по расторопу невозможно, вечером опеть хорошо, доберешься» [8, с. 539].

Группа однокоренных слов с общим семантическим компонентом «туман, сумрак» включает лексемы со значением предметности, признака, действия и признака действия [8, с. 539]:

морок («туман, сумрак, облачность, ненастье»); *морочный* («пасмурный, мрачный, облачный (о погоде)»): «У нас цисто весна-то мороцна, ну казной год, а лето хоросоё»; *морочать* («надвигаться сумраку, облачности, туману»): «Погодите выеззять, морочает, мозете (в) пургу попасти»; *морочно* («пасмурно, облачно, мрачно по небу»): «Сомолет не будет, мороцно с утра було, а к вецеру погоду не зди».

Словосочетание *худой ветер* («холодный, северо-западный ветер») указывает на направление ветра и одновременно обозначает его негативный эффект для прогнозирования погодных изменений. Другое направление ветра обозначено прилагательным *гнилой (гнилой ветер)* («ветер с северо-востока»). Старожилы севера

считают, что он плохо влияет на состояние человека и опасен для него. Прилагательное *гнилой* распространено в русских народных говорах прежде всего в значении «гнилая болезнь, сифилис», что привело к его стилистической окраске «бранное». Семантика прилагательного *гнилой* в разных регионах варьируется как «злой дух» (Арх.), «гнилая сторона, гнилой угол – сторона, откуда дуют ветры» (повсеместно, в том числе Иркут., Колым. Якут., Том.). В «Словаре русских народных говоров» значение «восточный (о ветре)» отмечено для Корсунского уезда Симбирской губернии в 1895-1896 гг. [12, с. 246]. Но еще раньше в середине XIX века Охотский окружной врач Богородский, составляя медико-топографическое описание Гижигинского округа отмечал, что такой ветер «вредным образом действует на здоровье»: «Действие его ощутительно не только на тело, но и на оправления духовные: человек под продолжительным влиянием его чувствует какое-то расслабление во всем теле, теряет аппетит, расположен к сонливости, и большую часть дня проводит или во сне или в бездейственном состоянии..» [4, с. 61]. Слово сочетание *гнилой угол* также фиксируется на Крайнем Северо-Востоке в значении «направление SWW» [2, с. 539]; «сторона, откуда дует сырой ветер»: «Опеть подуло с гнилого угла» [8, с. 118].

Человек представляет собой сложную систему, воплощением которой является не только материальное (видимое внешне), но и социальное, психическое и т.д. Оценка человека как факта обыденного сознания является постижением познавательного опыта некой общности людей, которые осмысливают реальную действительность и отражают ее в фактах языка. При этом имеет место не только рациональное и логическое восприятие человека, но его эмоциональная характеристика. В процессе общения вырабатывается сходное отношение к определенным качествам человеческой личности, единство национально-ценностных взглядов. Семантические блоки, которые можно выделить при исследовании тематического поля «Человек», включают название, характеристику и оценивание человека. Специфика оценочной установки в диалектном сообществе заключается в том, что, в отличие от литературного языка, отрицательно-оценочные слова преобладают: «языковую маркированность» получают «явления аномальные», неприемлемые, «не вписывающиеся в норму» [14, с. 479].

Внешние качества человека являются отражением внутренних психоэмоциональных особенностей личности, а значит, в социальной жизни являются информацией повышенной важности. Эмоциональная оценка зависит от характера эмоции, которую вызывает человек: положительная эмоция коррелирует с положительной коннотацией в лексическом значении (*дошлый* «искусный, проворный, ловкий»; *подхотливый* «бойкий, смазливый»; *приуборенький* «нарядный»), а отрицательная – с негативной коннотацией (*дракливый* «драчливый»; *дракун* «драчун, забияка»; *мухортый* «слабый, тощий,

хилый») [8, с. 539].

Вербальные ряды с оценкой качеств человека формируются вокруг таких тематических групп, как «физические данные, сила, здоровье», «отношение к труду», «смелость, храбрость», «социальная характеристика», «умственные способности», «коммуникабельность» и др.

Слова, оценивающие физические данные, силу и здоровье, составляют синонимические ряды и антонимические оппозиции. Так, семантический компонент «сила, выносливость» отмечен в словах [8, с. 539]:

осилок («невероятной силы человек, силач»); *дюжий* («крепкий, выносливый»): «Побегот – он всех перегоняет, у него нервы здоровы, нет одыски и сердце дюжее»; *омбал* («здоровяк, крепыш, здоровый крепкий парень»): «Оннако, сто нас Ока, сто твой Юра – омбалы, одинаковы»; *улаханистый* («сильный, крепкий»): «Улаханистой парень, а не дерется, в борьбу не ходит»; *улахан* («большой, крупный человек, животное»): «Такого улахана разве уложишь (в борьбе)»; *задушный* («тщедушный»): «Ты спрашивас, сто это знацит? (задушный). Вот дед Новгороддох задусной, вот смотри больно худ».

В этой лексической группе находятся слова, в которых выражено противопоставление таких понятий, как «ловкость» и «неповоротливость, медлительность» [8, с. 539]:

облом («крупный, неуклюжий человек»); *меледливый* («медлительный»): «Шибко ты меледливой, парень!»; *меледный* («медленный»): «Меледной шаг, так до Низнего два ння пройдед»; *легач* («лёгкий на ногу человек»): «Я молодой бул, легач бул.. Человек легко бегат»; *дошлый* («искусный, проворный, ловкий»): «Васка, он дошлой, олень ловит больсе всех».

Оценочная лексика, связанная с описанием физического здоровья, силы и ловкости, обычно соотносится с очень важной характеристикой человека – отношением к работе, работоспособностью. Так, прилагательное *кисловатый* в своей региональной семантике имеет значение «неповоротливый, апатичный (о человеке)». Иллюстративный материал из речи русских старожилов подчеркивает связь физических данных человека и его способность к работе: «Микто Березкин - кисловатой парень: отец гуворит: - Иди собачек запряги, - а он обутки снимат, потом опять обуват, сапку исчет, просло времо...» [8, с. 539].

Историю развития такого переносного значения у признакового слова можно объяснить особенностями пищевых заготовок у коренных народностей: рыбу, гусей, оленей, которые добывались летом, хранили в небольших ямах где они подвергались брожению, подгнивали, «кисли» до наступления холодов. Сема «испорченное» в слове «кислый» отмечается также «Словарем русских народных говоров» в Сибири, на Камчатке, в

Амурской, Вологодской, Мурманской областях: «Протухший, испортившийся, загнивший, разлагающийся» [12, с. 235]. Но словосочетание *кислый человек, кисловатый парень* в значении «плохой, неповоротливый работник, апатичный и недеятельный человек» зафиксировано только на Колыме [3, с. 66].

Отношение к труду передается с помощью следующих лексем с оценочным значением:

относливый («хорошо относящийся к делу, старательный»): «Он относливой парень, выполняют работу здорово»; *трудолюбимый* («работающий, трудолюбивый»): «Нина Игнатьевна трудолюбима, сейчас в школе работает и дома порадок, корову дёрзят»; *трудящий* («работающий, трудолюбивый»): «Не трудяшкой, так что ж на пенсию надеяться»; *прихилиться* («притаиться, спрятаться от работы»): «Прихилиться – это уж не работник, оман, притаился»; *нешевелющий* («недеятельный, ленивый, нетрудолюбивый»). лексемы, характеризующие человека по его желанию/нежеланию работать,

Адъективное слово *могутный*, мотивированное глаголом «мочь», на Колыме имело значение «сильный, могучий»: «Могутной человек, борец, не как теперешние молодяжники» [3, с. 81]. При дальнейшем употреблении прилагательного к акцентированию на физических данных человека присоединилась оценка работоспособности, умения трудиться: «Человек, который способен много и хорошо работать, что-либо изготовлять. «Николай-то Егоровиц Потапох могутной музик, фсо мзот роботать, бул много лет председателем совета» [8, с. 539].

Успешность любого промысла зависит не только от удачи, но и от ловкости и старательности охотника или рыбака, поэтому слово *добычливый* также относится к группе лексики, которая раскрывает понятие о трудолюбии: «Старательный, прилежный, удачливый (об охотнике). «Добучливой можот всегда добусти, хоросой охотник, промусляет песцох, рыбу, нерпей» [8, с. 539].

Гендерное разделение видов занятости дает возможность охарактеризовать и женскую работу, главным критерием которой является чистота и порядок в жилище и подсобных помещениях, умение поддерживать чистоту одежды и предметов быта. Нами зафиксированы синонимические ряды предметного и признакового характера со значением «плохая хозяйка», что свидетельствует об актуальности женской работы на Крайнем Северо-Востоке. Среди них имеются фонетические варианты (например, *ахреян – охреян*) [8, с. 539]:

арахлейка («неряшливая женщина»): «Арахлейка баба, неряшливая, нечистоплотная»; *ахреян* («то же, что охреян»); *охреян* («неряха, нечистоплотный человек (бранное)»): «Эх ты, охреян!»; *охреянка* («неряха, нечистоплотная женщина (бранное)»); *годовка* («нечистоплотная, бесхозяйственная женщина»): «Хозяйка не моет, не стирает, плаття не передевает, годовка»; *дендеруха*

(«неопрятная, неповоротливая женщина»); *халява* («неряха»): «Девка-то, мольче халява, ходит, распустя оборы, как стень»; *хабарковатый* («неряшливый»): «Э-э, хабарковато какова: тут не уберет, тут не усмотрит, посуду не вымёт, порядку нет...»; *арахлеватый* («распущенный, неряшливый»): «Экой арахлееватой, прости господи, ходит, распустя оборы»; *распустя оборы ходить* («быть неряшливым»): «Это тоцно распустя оборы ходит: сапка нет завязки, обувки – рваньё, сам не бритой неделю, а получат хорошо...» [8, с. 539].

Взаимоотношение людей в северных условиях оказывают влияние на слаженность работы, успешность промысла и даже на безопасность. Культурная традиция имеет стереотипы на уровне коммуникативного поведения на вербальном и невербальном уровне. Напряженность в общении, вызванная разными представлениями о правильном поведении говорящих, ведет к конфликтам, затрудняющим любое сотрудничество. «Диалектная речь как вербальное средство, с одной стороны, обслуживает процесс коммуникации, с другой – является образовательной платформой для передачи новым поколениям знаний о традициях устного народного общения» [13, с. 170].

Тематическая группа оценочного типа, отражающая специфику коммуникации в говорах Крайнего Северо-Востока, включает следующие слова:

ерестливый («сварливый, ворчливый»): «Приеззает и говорит, сто, мама, я зыть там не буду, мать его ереслива, отец пьяница, и он туда зэ»; *опроцаник* («человек, уклоняющийся от общения с другими, нелюдимый»); *куркулей* («нелюдимый, злобный человек»); *нетоварищный* («неприветливый, необщительный»): «Пойдес к нему, там покурить или денег попросить, он скажет – нет, а у самого есть, а если даст – недовольный буват, вот они и нетоварисной целовек»; *неприбежный* человек («не желающий общаться с другими, нелюдимый, неприветливый»); *оглода* («грубиян, отвечающий на просьбы, приказы бранью, неуступчивостью, огрызающийся человек»): «Уступи младсей, оглода, она просит теба»; *глодаться* («браниться, ссориться»): «Не глодайся с ним, Юра, он маленький, ты большой мольчик...»;

худобышный («сердитый, грубый»): «Я висла замус свекровь така худобысна була, детей було многоро, труно приходилось... и по хозяйству, и дома, а топер мои невестки говорат – я худобысна, мнуков не люблю...»;

худонравный («то же, что худобушный»); *раскострыжиться* («раздражённо, злобно ответить, окрыситься»);

разнобаярщина («несогласие, спор, неразбериха»): «Казной год у них разнобаярсона, никак сговориться не могут, с кого сколько взять»;

распробранюшка («ссора, брань между кем-либо»): «Распробранюшка була с угрумою жenuшечкой»;

попирать («бранить, ругать»): «Мы там вон попирались вчера, дело до драки досло»;

ереститься («ссориться, браниться»): «Ерестятся между собой, не сходятся, не могут примириться»;

подсекнуться («подольститься, лицемерно похвалить»): «Вот ты пийёхой цейёвек (к примеру), думаю я, а говору тебе – хоросой; вот я и подсекуйся к тебе»;

подхилимный («притворный»): «С тобой друзимся, а пойду и говору: она така, да сека, вот это подхилимной и есть»;

сокатый («зубатый, бойкий на язык»): «Сокатый парень, что и говорить, мольчеть уж не станет»;

треститься («приставать, цепляться к кому-либо»): «Чего-то он трестится наскоковат, чё надо-то ёму»;

наёра («забияка, задира»): «Ванька Остракох, сын бабки Маланьи, фаброй наёра, а драться не могот»;

полоротый («рассеянный, невнимательный»): «Эко полоротой, да возгровкой Госа»;

простоязыкый («болтливый»);

просмешник («насмешник, шутник»): «Убери своего просмешника, я с пьену могу прибить»;

плесничать («сплетничать») [8, с. 539].

Семантическая группа с репрезентацией интеллектуальных способностей направлена на оценку быстроты ума, сообразительности, памяти и речи:

умняк («умник, хозяйственный человек; не дурак»): «Дядя Кеша бул умняк, старшой сын в него, а Серога балбес, учится не стал и работать не хочет»;

памятливый («обладающий хорошей памятью»): «Спроси Зипона Брагина, он паметливый, цлен партии, бувал на собраньях»;

посказательный человек («хороший рассказчик; человек, знающий много старин и старых сказок»): «Старики-то посказательны були люди, а мы то есть никова не помним и не знаем, хуже чукоч»;

посказатель («знаток песен и сказок, хороший рассказчик»);

говорок («бойкий на язык человек, говорун»): «Мирон Старцев да Лизавета Броккина – вот говорки, все молчат, они говорят»;

альясный («глупый, бестолковый»): «Госа, перестань, не трогай Светоцуку, у, алясной, не понимаеш слов-то»;

худоумный («скудоумный»): «Нельзя сказать, чтобы худоумной бул, а ленивой, не хочет уроки учить...»;

альяс («бестолковый, придурковатый человек; употребляется как ругательство»): «Алляс – это дикой маненько, диковатой, дурак. Экой алляс!»;

альясничать («говорить вздор, заговариваться»): «Аллясной какой, я ему говору, а он не понимает, аллясничят»;

олишать («сойти с ума, лишиться ума, одуреть; остервенеть»): «Сохсем парень олисал, выпихка довела, а какой роботяссой бул, Хабаровске уцлился» [8, с. 539].

Сложность и разнообразие речевых ситуаций в говоре затрудняет стилистическую дифференциацию и не позволяет установить узуальный характер нормы. Однако мы можем все-таки выявить в рамках исследования эмоционально-оценочных лексических единиц, как на-

родные представления о мире соотносятся с эмоциональной сферой носителей русского языка на Крайнем Северо-Востоке. Кроме того, представляется возможным определить, как реконструируется окружающая действительность в свете этой оценочной практики. Народная речь, представленная в иллюстративном материале анализируемого регионального словаря, дает богатый материал, по которому можно судить о коннотативных особенностях того или иного слова. Метафоричность семантики слов отражает образные представления о реалиях, существующих в сознании человека.

Группа слов со сходным значением, с одной стороны, очерчивает границы понятийного поля, а с другой – детализирует каждый элемент внеязыковой действительности, уточняя и дополняя его. Приведем некоторые примеры синонимов, характеризующих эмоции и состояния человека, а также общую оценку явлений:

страститься («пугаться, бояться, страшиться»);

дыгнуть («струсить, оробеть»): «Оробел, сначала сопротивлялся, а потом дыгнул»;

опризориться («ощетиниться, взъесться; возненавидеть»): «Ниолай Егоровиц да Мирон-то Алексеевиц опрезорились, не розговаривают год»;

оскаляться («сердиться, браниться»): «Сероска, не озорницай, дедуска оскаляться будёт»;

осердиться («рассердиться, взбеситься»);

дурну одёрнуть(сдёрнуть) («разгневаться, сорвать зло»): «Я на тебя дурну сдёрнул»;

тихомирный («тихий, смирный, скромный»): «Никовды не ссорытся, никово не трогат и робетисок не обизат, тихомирный парень Кока»;

мольчажливый («молчаливый, скромный»): «Детей-то моих семь цёловек, один неронной, хоросой мальчик, мольцазливой такой, послушной...»;

стыдкой («нехороший, некрасивый, неприличный, неудобный»);

дурной («непутёвый, некрасивый»): «Много девуски дурные»;

страстной («добротный, отменный, хороший»): «Страстные собаки у Митрея!»;

достойный («добротный, отличный, замечательный»);

годявый («годный хороший»): «Годяво дело затеял, да струменту нет, не осилить»;

Антонимические пары слов с качественной семантикой дифференцируют ту или иную сущность, указывая на противоположности внутри нее:

копошкой («быстрый, проворный»): «Развитой, сустрой парниско, как у нас скажут – копосной»// *меледливый* («медлительный»): «Шибко ты меледливой, парень!»;

худящий («негодный, очень плохой»): «Да, век свой живет криво, худящей человек, вот и топер попался на преступлении»// *достойный* («добротный, отличный, замечательный») [8, с. 539].

Архаическую семантику сохраняют в диалектной речи однокоренные слова с положительной оценкой *опасный, опасно*. В русском литературном языке качественное прилагательное *опасный* употребляется как нежелательная характеристика ситуации: «закрывающий в себе опасность»// «способный причинить большое зло, несчастье»// «такой, который может отрицательно повлиять, оказать нежелательное воздействие» [5, с. 715].

Об актуальном употреблении прилагательного *опасный* в диалектной среде Крайнего Северо-Востока можно судить по развитию многозначности в его семантической структуре: «Опасный. 1. Добротный, быстрый (о ездовых собачках). 2. Отличный, первоклассный (о мастере). *Он опасной кузнец бул*». Адвербиальный дериват, образованный от этого качественного прилагательного, сохраняет эту семантику: «*Опасно*. Хорошо, здорово, добротнo. *Старик рассказывал опасно*» [8, с. 539].

Обращение к словарю XI-XVII вв. дает материал для изучения истории функционирования слова на примере древних официально-деловых текстов. Широкий диапазон значений адъектива включает такие компоненты, как «тщательный, прилежный», «бдительный, внимательный», «обеспечивающий защиту, охрану», «надежный», «искусный, ловкий», «опасающийся, боящийся чего-либо», «защищенный, обереженный».

При этом в русских народных говорах в XX веке происходит развитие многозначного потенциала прилагательного и фиксируются такие значения, как «осторожный, осмотрительный», «заботливый», «чрезмерный, необыкновенный, в проявлении чего-либо» [12, с. 241].

Таким образом, говоры в отличие от литературного языка, имеют разнообразный не вполне упорядоченный набор выразительных средств. М.В. Панов считал, что «если в одной из синхронных разновидностей языка преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях) то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим». Важной определяющей чертой литературного языка, по мнению ученого, «является преодоление нефункционального разнообразия единиц» [10, с.56]. Исходя из такого понимания, говоры представляют более простое в стилистическом отношении образование, чем литературный язык. Их стилистика ограничивается исключительно стилистической окрашенностью отдельных слов и их групп. В диалектной речи проявление различных видов оценок зависит от коммуникативной ситуации и объекта оценки, поэтому так важно, чтобы в зону внимания при анализе лексических единиц вовлекался иллюстративный материал живой диалектной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова И.О. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры// Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. – М.: Наука. – 2002. С. 232-240.
2. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собр. на месте и сост. В.Г. Богораз. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1901. – 346 с.
3. Богораз В. Русские на реке Колыме // Жизнь. 1899. V. 6. P. 103–125.
4. Богородский А.А. Медико-топографическое описание Гижигинского округа// Журнал Министерства внутренних дел. – 1853. – Октябрь. – С. 49-138.
5. БТСРЯ - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб. : Норинт, 2002. – 1536 с.
6. Вахтин Н.Б. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания / Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцер П.. — Москва: Новое издательство, 2004. — 294 с.
7. Изард, К.Е. Эмоции человека: [Пер. с англ.] / Кэррол Е. Изард; Под ред. Л. Я. Гозмана, М. С. Егоровой. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 439 с.
8. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России [Текст]: около 6000 слов и выражений / Г.В. Зотов; под ред. А.А. Соколянского-го. - Магадан: Северо-Восточный гос. ун-т, 2010. - 539 с.
9. Лукьянова Н.А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии// Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2009. - №1 (9). – С. 211 – 215.
10. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 568 с.
11. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. - Москва: Наука, 1975-.
12. СРНГ - Словарь русских народных говоров. Вып. 1- 48. - М., Л., СПб., 1965-2015.
13. Соколянская Н.Н. Отражение в диалектной лексике коммуникативных качеств речи (на примере говоров крайнего северо-востока) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2021. - №01. - С. 169-174.
14. Шулякина Ю.С. Оппозиция «добрый, отзывчивый человек»/ «злой, недоброжелательный человек» в говорах ивановской области// Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее / сост. Н.С. Ганцовская. - Кострома, 2015. С. 479-483.

© Соколянская Наталья Николаевна (nata_sokol@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»